

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рассматривается один из важных аспектов политической жизни российского общества: политическая деятельность оппозиции; анализируются процессы становления и развития оппозиционных партий в современной России. Прослеживается история формирования и развития российской политической оппозиции с конца 80-х гг. прошлого века по настоящее время; рассматриваются организации, представляющие лояльную оппозицию, полуоппозицию, а также принципиальную нелояльную оппозицию в России.

Ключевые слова: политическая оппозиция; партии; власть; государство; общество.

Россия имеет значительный опыт деятельности оппозиционных политических партий. Становление и развитие вообще политических партий в условиях России XIX–XX вв. проходило абсолютно в глубокой оппозиции. Собственно и существование советского государства отличалось однопартийной системой с резким подавлением любого инакомыслия и оппозиционности.

Наверное, не будет слишком большим упрощением утверждение того, что предпосылки формирования основных направлений современной российской политической оппозиции сформировались в 1960–1980-е гг., в последнюю эпоху советской истории. Ф. Бэгхурн классифицировал «модели оппозиционной мысли и деятельности» в Советском Союзе второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. как «фракционную, секторальную и подрывную оппозицию» [1. С. 39; 2. С. 80]. Термины, предложенные Ф. Бэгхурном, не очень удачны, но в целом круг явлений, относящихся к политической оппозиции, он определил довольно точно. Под фракционной оппозицией он подразумевал попытки членов высшего партийно-советского руководства изменить персональный состав высших органов руководства или отдельные аспекты политики Советского государства [1. С. 50]. Секторальная оппозиция – оппозиция специалистов и профессионалов (научная и творческая интеллигенция, директорат), ставящих целью максимизировать ценности и отстаивать интересы отдельных профессиональных или институциональных групп.

По отношению к режиму в целом она настроена конформистски, но в то же время стремится изменить отдельные аспекты его политики. Таким образом, это оппозиции лояльные, внутрисистемные или принимающие систему, могут быть классифицированы как структурная лояльная оппозиция. Подрывная оппозиция, напротив, антисистемна. К ней следует отнести диссидентское движение, называвшееся также правозащитным или демократическим движением [3. С. 464].

По мнению Дж. Хоскинга, первоначально оно вообще не имело никакой особой идеологии, кроме идеи о необходимости заставить советское правительство соблюдать собственную конституцию [4. С. 431], что, быть может, выглядит некоторым преувеличением. Но с конца 1960-х – начала 1970-х гг. внутри диссидентского движения обозначились три направления. Странников первого (например, братьев Ж. и Р. Медведевых, П. Григоренко и др.) можно назвать приверженцами «аутентичного», или истинного, ленинизма. Они призывали вернуться к первоначальному ленинскому демократизму, искаженному при Сталине и не восстановленному. Конечно, аутентичный ленинизм – достаточно условное название для этой группы, реально тяготеющей к социал-демократии.

Второе направление, более многочисленное и вышедшее во второй половине 1970-х гг. на первый план, можно назвать либеральным или социал-либеральным. Участники его сосредоточились на правозащитной деятельности; поскольку в качестве образца правового государства принимались западные демократии, оно также может быть названо «западническим» (хотя, в сущности, «западническими» являются оба рассматриваемых направления). К этому течению эволюционировал А.Д. Сахаров, к нему относились Л. Алексеева, В. Буковский, В. Чапидзе и др.

Наконец, третье направление в диссидентском движении было представлено русскими националистами (различные исследователи называют его также неославянофильством, «возрожденчеством» или «христианской идеологией» [3, 4]. Наиболее видной фигурой в нем был А.И. Солженицын. Они надеялись возродить русскую государственность на основе возврата к православию и дореволюционной культуре; как замечает Дж. Хоскинг, было непонятно, каким образом авторитаризм и клерикализм совместимы с гражданскими свободами, прежде всего, свободой слова и совести [4].

Все эти направления так или иначе обозначались, заявляли о себе, но существенного влияния в условиях существования Советского Союза не имели. Однако они в определенной мере давали время от времени знать о себе.

Существенным периодом для оживления этих и других сил стали 1986–1990-й гг., период «перестройки» и ограниченного имморализма.

Первые легальные или полуполигальные оппозиционные группы (называемые «неформалами» и в этом качестве слабо дифференцируемые от неполитических объединений, театральных и рок-групп и тому подобных любительских кружков) становятся заметны в 1986 г. Организационной формой, преобладавшей до 1989 г., были политические клубы. Одним из первых был возникший в начале 1986 г. московский Клуб социальных инициатив, из которого выросли и движение «Мемориал», и клуб «Перестройка», давший начало и «Демократическому союзу», впервые провозгласившему себя оппозиционной партией, и Московскому народному фронту. Это были наиболее крупные клубы конца 1980-х гг.: «Мемориал» насчитывал около тысячи человек, и Московский народный фронт – 500–600 человек [5. С. 73].

Особое влияние на все процессы оформления оппозиционного движения оказали подготовка и проведение выборов 1989 г.

Избирательная кампания 1989 г., особенно прошедший I Съезд народных депутатов СССР, резко

сдвинули фокус общественных настроений в сторону либерализма. Возможно, доктрина «гуманного, демократического социализма» или какого-то «иного» социализма (в духе идей анархизма, IV Интернационала и т.д.) была просто удобной идеологической формой разрыва с советизмом как идеологическим оправданием советской действительности и перехода к «классическим» социализму, либерализму, консерватизму и т.п.

В исследованиях, посвященных данному периоду, часто игнорируется или упоминается вскользь, что в этот период «просыпается» не только демократическая оппозиция, но и ретроградная оппозиция, которая с определенной долей упрощения может быть охарактеризована как «сталинисты» или же национал-патриоты. В сущности, она также существовала в течение всего периода 1960–1980-х гг., но была не столь заметна, поскольку для артикулирования своих требований ей вовсе не нужно было прибегать к столь экстремальным методам, как диссидентской оппозиции. Это была типично секторальная оппозиция, позиции которой были особенно сильны в армии и ВПК. Но по мере того, как установки политики М. Горбачева все более и более расходились с воззрениями и интересами этой группы, выражение ею недовольства становилось все более сильным.

Именно в этот период наблюдается резкое повышение интереса широких масс к политике. Во многих городах появляются различные клубы и объединения по политическим интересам. В период выборов 1989 г. группы поддержки тех или иных кандидатов расширяют свои рамки чуть ли не до общественных объединений.

В марте 1990 г. была отменена 6-я статья Конституции СССР и стали легально возникать политические объединения, называвшие себя «партиями». В мае 1990 г. оформилась крупнейшая тогда либеральная партия – Демократическая партия России (ДПР), охарактеризованная ее основателем Н. Травкиным как народная антикоммунистическая партия. Она выступала за создание единого блока демократических и либеральных партий, оппозиционного КПСС. Таковой блок, получивший название «Демократическая Россия» («ДР»), был создан в октябре 1990 г. Таким образом, в конце 1990 – начале 1991 гг. стали обозначаться контуры партийной системы, которую можно назвать двухполюсной. Таким образом, в качестве характерных черт первого этапа можно отметить либерально-антикоммунистическую ориентацию ведущей оппозиции (хотя возникают и ультраортодоксальные ретроградно-коммунистические группы наподобие «ВКП (б)», «Большевистской платформы в КПСС» и т.д.), а также резко конфликтный характер взаимоотношений между оппозицией и властью, обусловленный антисистемностью последней.

Иногда основной причиной распада «ДР» видят в том, что единственной силой, связующей участников этого блока, была оппозиционная направленность по отношению к КПСС. После избрания президентом России 10 июля 1991 г. Б. Ельцина, поддержанного «ДР», путча ГКЧП и последующего роспуска КПСС, основная цель блока была выполнена, и составившие его силы пустились в самостоятельное плавание. Это верно, но лишь отчасти, т.к. нельзя говорить о приходе либералов к власти в 1991 г.

Новая власть – это власть либеральной бюрократии, ранее входившей в периферийные слои советской партийно-государственной элиты. Поток восходящей социальной мобильности вверх были вознесены и некоторые активисты либеральных партий и движений, но в очень незначительном числе: «новая старая элита» делиться властью ни с кем не собиралась. Руководство «ДР» первоначально пыталось ставить условия Президенту России Б. Ельцину, требуя при назначении на руководящие посты процедуры согласования между президентом и руководством движения. Соглашение о координации действий было подписано в ноябре 1991 г., но не повлекло никаких последствий. В результате лидеры демократического движения встали перед дилеммой: или, оставаясь отвергнутыми, продолжать поддерживать Ельцина, или уйти в оппозицию. Внутри «ДР» началось размежевание, но в полную оппозицию президенту лидеры блока не ушли; речь могла идти о «точечной» или «пунктирной» оппозиции, как стало принято выражаться позже, т.е. оппозиции по одним вопросам, не исключавшим поддержки по другим.

Распад «ДР» замедлился также и вследствие того, что стало организовываться противоположное крыло оппозиции, включавшее русских националистов и запрещенную (до февраля 1993 г.) КПРФ. В январе – феврале 1992 г. эта оппозиция впервые после запрета КПСС проводит демонстрации. Постепенно консолидируются силы ретроградно-коммунистической оппозиции на Съезде народных депутатов России. Снова формирование оппозиции начинается с образования аморфного и разнородного блока. В феврале 1992 г. его функции попытался взять на себя «Конгресс гражданских и патриотических сил», куда вошли русские националисты как умеренного, так и радикального толка, коммунисты, готовые сотрудничать с антикоммунистами-националистами, ортодоксальные коммунисты («Трудовая Россия» В. Анпилова) и некоторые бывшие демократы, покинувшие блок «ДР». С формированием осенью «Фронта национального спасения» они получили название «непримиримой оппозиции»; от оппонентов из демократического лагеря эта оппозиция получила название «красно-коричневых». Конечные цели ее участников выглядели различно, но они были едины в неприятии президента, правительства и проводимых ими реформ [6].

Весной – летом 1992 г. оформляется и умеренная оппозиция в лице «Гражданского союза». Костяк его составили три организации: ДПР Н. Травкина, «Народная партия Свободная Россия» во главе с А. Руцким и Всероссийский союз «Обновление» А. Вольского. Не выступая против демократической трансформации в принципе, они выступали против тех методов, которыми она осуществлялась, и конкретных фигур, ее проводивших.

Необходимо определить, что процессы оформления политических оппозиционных партий проходили, прежде всего, в центре. Если, скажем, движения, различного рода групп появлялись не только в Москве, но и активно множилось на периферии, то уже оформление политических партий происходило только в Москве, и уже оттуда эмиссары формировали партийные организации на местах.

Для понимания современной российской политической оппозиции необходимо сначала определить общие этапы формирования политической партийной системы в России:

1 этап – 1989–1991 гг. Появление первых неформальных объединений, а затем и оппозиционных политических партий, сплоченных единой целью – борьбой с КПСС. В это же время происходит формирование политических партий вне КПСС, выступающих в поддержку коммунистической идеологии и сохранения СССР.

2. Начало 1990-х (1991 г. – первая половина 1993 г.) – период наивысшего влияния либеральных партий.

3. Вторая половина 1993 г. – 1995 г. – резкое снижение влияния либеральных партий, усиление позиций ЛДПР, начало возрождения КПрФ.

4. 1996–1999 гг. – усиление КПрФ на местах, центральная власть контролируется либеральными партиями.

5. 1999–2003 гг. – изменение основного противостояния «левых» и «правых» постепенно меняется соперничеством «левых» КПрФ и центристов («Единство», «Единая Россия»). Происходит снижение влияния КПрФ и усиление позиции «партии власти».

6. С 2004 г. – усиление и контроль «Единой России» центральной и региональной власти. Структурные изменения в оппозиционной составляющей.

В связи с этим, хотелось бы отметить, что в институциональном разрезе сложно анализировать критерии оппозиционности той или иной партии, прежде всего потому, что даже в Федеральном законе «О политических партиях» нет упоминания об оппозиционности. По сути, есть партия власти и есть, соответственно, оппозиционные партии. Причем такое соответствие тоже не сразу сложилось. Так, в 1989–1991 гг. в КПСС обозначился целый ряд идейно-политических течений и групп, которые затем стали именовать себя как оппозиционные партии.

Можно с достаточной уверенностью говорить о существовании на протяжении 1990-х гг. нескольких направлений среди некоммунистов, которые, например, М.Р. Холмская определяет как «ортодоксальное» и «реформаторское» [7]. Однако, думается, что термин «реформистский» применительно к КПрФ, предложенный М.Р. Холмской, является не вполне точным, не только потому, что в политической жизни России 1990-х гг. реформисты обычно ассоциируются с либералами и социал-демократами. Он характеризует скорее идейное течение, чем организационное направление, тогда как в рамках КПрФ, как и некоммунизма в целом, существуют, по крайней мере, три идейных течения.

Первое, наиболее влиятельное в руководстве, можно назвать «державно-патриотическим». Это – своеобразный синтез русского традиционализма и неославянофильства в духе «самодержавия, православия, народности» со сталинизмом, с которым представитель данного направления не считает нужным порывать. Характерно, что книга Г. Зюганова, лидера этого направления в КПрФ, носит название «Держава» (а не «коммунизм»). Еще характернее, что наилучшим временем для российской государственности в ней назывался конец 1940-х – начало 1950-х гг. и выражалось

сожаление, что И. Сталину не удалось осуществить идейный синтез коммунизма и русской державности [8]. Часть сторонников этого течения, объединенная в движении «Духовное наследие», в 1999–2000 гг. вышла из КПрФ, образовав Социалистическую единую партию России (в 2003 г. ставшую одной из блокособразующих партий блока «Родина»).

Второе течение – прагматики (его сторонников называют также «социал-реформистами» или «социал-демократами»). После того, как Г. Селезнев был исключен из КПрФ, данное течение значительно ослабло.

Третье течение – «ортодоксальное», близкое «фундаменталистам». Кстати, многие из ортодоксов принимали участие в параллельном съезде компартии летом 2004 г. и создании Всероссийской коммунистической партии будущего.

Не являясь идейно однородной, в отличие от фундаменталистских партий, КПрФ более умеренна и в программном отношении. В программе КПрФ говорится о «мирных методах осуществления» социалистических преобразований и о коалиции, как с теми союзниками, которые называются «народно-патриотическими силами», так и другими «политическими партиями социалистического, центристского и последовательно демократического спектра» [9]. Фундаменталистские же партии выступают за приход к власти на волне массового протестного движения. Что же касается многопартийности, ее не отрицают партии, вышедшие из Марксистской платформы; сталинистские же партии к многопартийности относятся отрицательно.

Как считают некоторые аналитики, КПрФ с середины 1990-х гг. и позже не очень-то и желала брать власть. «Лидеры компартии, очевидно, не были уверены в победе, а возможно, и не желали ее», – характеризую ситуацию 1996 г., писала Л.Ф. Шевцова [10. С. 256]. Еще более резко охарактеризовала она поведение КПрФ после первого тура: «... компартия сложила оружие и отдала победу Ельцину» [10. С. 279]. В чем могли быть причины этого? Возможно, руководство КПрФ отдавало себе отчет, что победа партии могла обернуться поражением, ибо они все равно вынуждены были бы проводить – с соответствующими изменениями – ту политику, что проводилась действующим президентом и правительством, как это случилось с посткоммунистами, пришедшими к власти и странах Восточной Европы. Это неизбежно повлекло бы за собой обострение отношений с ортодоксами, расколом среди коммунистов. Потому и создавалось впечатление, что, по крайней мере, часть руководства КПрФ стремилась сохранить «синицу в руках» – роль оппозиции, которая ни за что не отвечает, может безнаказанно критиковать власть и гарантированно получать 20% голосов на выборах по партийным спискам.

К первым думским выборам 1993 г. был сформирован блок «Выбор России» как одна из «партий власти», ознаменовав собой создание своеобразного конгломерата либеральной интеллигенции и умеренно-реформальной бюрократии.

О переходе в оппозицию Е. Гайдар заявил лишь после начала первой чеченской войны в конце 1994 г., но и после этого блок, трансформированный в партию «Демократический выбор России» (ДВР), был «мер-

цающей» или «пунктирной» оппозицией, то, заявляя о категорическом несогласии с действиями президента Ельцина и правительства, то оказывая им существенную поддержку и входя в правительство. Партия уже была лишена прежней административной поддержки, но в то же время в глазах общественного мнения несла ответственность за непопулярную политику правительства. Подобная амбивалентность ДВР привела его к сокрушительному провалу на думских выборах 1995 г. (менее 4%).

Но это поражение не привело либералов к полному краху. В 1999 г. они формируют новую коалицию, первоначально называвшуюся «Правое дело», а перед думскими выборами принявшую окончательное название – «Союз правых сил» (получила 8,5 % голосов). Наиболее значимыми группами, вошедшими в нее, наряду с ДВР Е. Гайдара, была «Россия молодая» Б. Немцова, «Новая сила» С. Кириенко и «Общее дело» И. Хакамады. Руководство СПС солидаризировалось с В. Путиным, поддержав и его кандидатуру на президентских выборах 2000 г., и основные аспекты его политики, такие, как вторая война в Чечне (хотя Б. Немцов в бытность губернатором Нижегородской области активно выступал против первой войны).

Необходимо отметить, что длительное время СПС занимало позицию «полуоппозиционности».

«Полуоппозиционность» СПС заключалась в том, что его руководство в одних случаях заявляло об «условной» поддержке президента, в других – о «пунктирной оппозиции» ему. Ими критиковался «путинизм» как «сочетание управляемой демократии с коррумпированным капитализмом», авторитарные тенденции в правлении Путина, особенно проявляющиеся в информационной политике, в военной политике, войне в Чечне, но в то же время утверждалось, что «нас вполне устраивают те немногочисленные, но все-таки значимые шаги, которые сделаны властью в экономической сфере. Было бы невероятно близоруко и просто глупо быть в глухой оппозиции к власти по любому поводу, равно как и слепо поддерживать ее, невзирая на существо вопроса» [11].

«Полуоппозиционности» СПС, вероятно, способствовало и то, что те члены руководства, которые занимали административные посты, склонны были акцентировать те моменты, которые сближали СПС и Кремль, а те, кто были парламентариями, подчеркивали разногласия. Примечательны в этом отношении заявления А. Чубайса и Б. Немцова на съезде СПС в сентябре 2003 г. А. Чубайс говорил о близости СПС и «Единой России»: «Все эти годы у власти нет и не было никаких иных реформ, кроме наших. Все эти годы у власти нет и не было никаких других идей, кроме наших. Партия “Единство”, находящаяся рядом с нами в политическом спектре. Если воспользоваться привычной советской терминологией, это же практически братская партия, у нас там масса товарищей, наших друзей, мы их хорошо знаем, и лидеров» [12]. В то же время оценка «Единой России» Б. Немцовым, данная на том же съезде, существенно отличается: «Они, конечно, по ряду проблем могут быть с нами. Например, когда речь идет о нашем предложении сделать подоходный налог 13% или когда речь идет о трудовом ев-

ропейском законодательстве, когда речь идет о земельном законодательстве. Но они наши противники, когда речь идет о защите свободы. Они против свободы. Это же очевидно. Они против демократии» [13].

Катастрофические для СПС результаты выборов 2003 г. повлекли и организационную катастрофу. Партия не смогла даже выработать отношения к президентским выборам 2004 г. И. Хакамада баллотировалась в Президенты России как независимый кандидат, после чего объявила о создании собственной партии.

В 2005 г. в мае был избран новый лидер СПС – Н. Белых.

Наконец, в ноябре 2008 г. был проведен учредительный съезд партии «Правое дело», куда вошли СПС, «Гражданская сила» и «Демократическая партия России». Сопредседателями новой партии стали глава организации «Деловая Россия» Б. Титов, от ДНР – Г. Бовт, от СПС – Г. Гозман. Главный лозунг партии «Свобода, собственность, порядок».

Видимо, к своеобразной оппозиции длительное время относилась и партия «Яблоко». «Яблоко» было одним из движений, спешно созданных осенью 1993 г. накануне первых думских выборов. Название свое оно получило по первым буквам фамилии основателей – Г. Явлинского, В. Лукина и Ю. Болдырева. Кроме тех персональных учредителей, в его основании участвовало три партии: Республиканская партия Российской Федерации (РПРФ), Социал-демократическая партия Российской Федерации (СДПР) и партия Российский христианско-демократический союз – Новая демократия (РХДС–НД). Часть республиканцев, социал-демократов и христианских демократов покинула ряды движения в 1994–1995 гг., а Региональная партия центра (Санкт-Петербург), напротив, вошла в него [14].

Движение, а с 1998 г. партия «Яблоко» всегда позиционировали себя как структурная лояльная оппозиция существующему в России режиму. Целью «Яблока» провозглашались изменение всего курса и всей системы «периферийного» или «корпоративно-олигархического полукриминального капитализма» путем ее постепенной трансформации, а не только критика отдельных фигур в правительстве и окружении президента или частных аспектов проводимой ими политики.

В реальности же «приверженцы партии Г. Явлинского в значительной степени склонны соглашаться с излюбленным тезисом ее критиков – «Яблоко» было не способно к практической деятельности и обречено было оставаться маргинальной политической силой, декларирующей либерально-демократические принципы и формулирующей программные документы, которым не суждено быть реализованными» [15. С. 128–129].

Длительное время, критикуя в 1990-е гг. правительственную и президентскую политику, «Яблоко» сохраняло готовность для сотрудничества с исполнительной властью, что позволяет отнести ее не к принципиальной оппозиции, а к структурной или даже неструктурной. «Яблоко» не исключало для себя сотрудничество с правительством и даже вхождение в его состав, но лишь в случае признания им «яблочной» программы действий, в результате чего «яблочки» получают возможность реализовывать ее от имени правительства. В частности, условием вхождения Г. Явлинского в пра-

ительство накануне президентских выборов 1996 г. было выполнение требований об отставке ряда руководителей правительства и администрации президента, ответственных за прежний политический курс, а также прекратить войну в Чечне, внести серьезные коррективы в социально-экономическую политику [16. С. 63]. Эти условия отнюдь не были невыполнимыми: в течение ближайших двух лет Б. Ельцин так или иначе был вынужден отправить в отставку всех перечисленных лиц, а также прекратить войну.

Неудачи «яблочной» коалиционной политики объяснимы не только как проявление субъективного фактора (несговорчивость Явлинского), сколько факторами институциональными: при парламентской системе, отмечает В. Гельман, «Яблоко» могло бы стать «привлекательным партнером по правительственной коалиции. В условиях же российской «суперпрезидентской» системы коалиционные возможности «Яблока» были ограничены»: с коммунистами по идеологическим мотивам, а с правящей группой – из опасения «дружественного поглощения» [16]. Вместе с тем продолжение подобной стратегии было чревато попаданием и замкнутый круг: неспособность к участию в правительстве ограничивала круг сторонников «Яблока» среди элит и электората, а неспособность улучшить электоральный результат делала шансы «Яблока» в коалиционном торге все более ничтожными.

Это и предопределило кризис «Яблока» в 2000–2003 гг., причем организационный кризис (партию продолжали покидать видные активисты, финансовые и информационные спонсоры) дополнился кризисом стратегии. И дело не только в том, что руководство «Яблока», как замечает В. Гельман, попыталось сменить стратегию, сделав ставку на лояльность правящей группе В. Путина [16. С. 62]. Оно не могло придерживаться прежней стратегии, когда большинство избирателей, в том числе большинство электората «Яблока», стали поддерживать нового президента. Поэтому новая стратегия попыталась совместить несовместимые вещи: поддержку лично В. Путина и отдельных аспектов его политики, главным образом международной (что вело «Яблоко» к полуоппозиции) и критику «путинизма» как системы «управляемой демократии» (что означало как минимум консервацию «Яблока» в нише структурной оппозиции, а как максимум – вело ее к оппозиции Принципиальной).

Необходимо отметить, что в российских реалиях наблюдалась еще одна интересная ситуация: оппозиция правящей элиты со стороны другой группы элиты, но в данный момент отстраненной от власти или лишенной определенной полноты власти. Наиболее яркими проявлениями такой оппозиции были «Гражданский союз» (1992–1993 гг.), Движение «Отечество» (1998–1999 гг.), объединившееся позже с блоком «Вся Россия», претендовавшие на выражение интересов региональных элит. После развала «Гражданского Союза» в 1993 г. и двукратного неудачного выступления на думских выборах тех избирательных объединений, что фактически были его обломками, те элитные группы, что стояли за ними, начинают постепенно консолидироваться вокруг движения «Отечество» Ю. Лужкова. В партийном списке движения «Отечество – Вся Рос-

сия» на выборах 1999 г. можно увидеть и участников «Гражданского союза», и Всероссийского Союза «Обновление», бывшего одной из основных его структур, и блока Ивана Рыбкина. Так неожиданно осуществилась идея политтехнологов 1995 г.: создать два мощных блока: прокремлевский правоцентристский и левоцентристский, который позиционировался бы как полуоппозиция или неструктурная оппозиция. Кстати, первоначально та политическая организация, из которой выросло «Отечество» – «Союз реалистов» – возникла как одна из групп поддержки президента Б. Ельцина в ходе кампании 1996 г. (и возглавлял ее экс-глава Администрации Президента Ю. Петров). Дальнейшая политическая эволюция привела к возникновению «Русского движения за новый социализм» (РДИС), к руководству в котором пришли сторонники Ю. Лужкова. РДНС принимает в ноябре 1998 г. новое, более выгодное с точки зрения политической рекламы название – «Отечество». В это движение вошли «Союз труда» А. Исаева, за которым стояла Федерация независимых профсоюзов России, движение «Держава» К. Затулина, «Конгресс русских общин» Д. Рогозина (впоследствии вышел из «Отечества»). В августе 1999 г. «Отечество» создало блок с движением «Вся Россия», которое, видимо, и было создано как инструмент «торга» региональных элит с наиболее вероятным претендентом на должность президента после Б. Ельцина. Возможно, как предполагает Л.И. Лихтенштейн, это движение было готово и к сотрудничеству с правящей группой, однако шансы последней остаться у власти после президентских выборов были очень неопределенны, а кандидатура будущего президента оставалась неизвестной практически до начала кампании [17. С. 98–99].

Результат, полученный блоком ОВР – 13,3% при 23,3% у «Единства» – означал поражение и почти автоматически привел к его развалу: почти сразу блок покинули движения «Вся Россия», «Развитие предпринимательства» и т.д. Но фракция ОВР еще сохраняла оппозиционный потенциал и могла представлять угрозу для Кремля, заключив союз с КПРФ и «Яблоком». Для предотвращения этого фракции «Единство» и КПРФ при участии «Народного депутата» разделили между собой посты председателей наиболее важных комитетов, нейтрализовав и деморализовав сторонников ОВР. После этапа нанесения поражения наступил этап, который можно условно назвать «укрощение и консолидация»: две, а фактически даже три бывшие «партии власти» были слиты на протяжении 2001 г. в одну, получившую название «Единая Россия». В феврале 2002 г. движения «оппозиции – центра» официально самораспустились.

Думается, именно это событие стало определяющим в дальнейших судьбах политической оппозиции в России. Раскол элит не просто давал оппозиции шансы – он сохранял институциональные предпосылки политической конкуренции, без которых оппозиция не может существовать. Если одна элитная группа не может уничтожить другую, или, вернее, каждая из противоборствующих групп может уничтожить другую, они вынуждены сосуществовать, вырабатывать механизмы разделения власти и ротации [18]. Консолидация элиты – то, что В. Гельман вслед за Т. Карл охарактеризо-

вал как «навязанный консенсус» (imposing consent), как понятно теперь, поставила крест на перспективах партийно-идеологической оппозиции структурного и неструктурного характера [19, 20].

В начале XXI в. в оппозиционных партиях начинаются дезинтеграционные процессы: наиболее слабыми они оказались в «Яблоке»: на второй части XII съезда внутренняя оппозиция ограничилась критикой Г. Явлинского. Наиболее значительными – в СПС, который оказался практически парализованным и неспособным ни выдвинуть кандидата на президентских выборах, ни выработать сколько-нибудь связанные стратегию и тактику. Раскол (или откол) произошел и в КПрФ: летом 2004 г. прошли два параллельных съезда. Вместе с тем нельзя не видеть того факта, что уход КПрФ с политической сцены означал бы, что Россия лишается «единственного пока более или менее дееспособного субъекта многопартийной системы» [21].

Возможно, что новая, дееспособная оппозиция будет создана в обозримом будущем в результате реформирования старых политических партий. Тем не менее оппозиционные партии все же пытаются выработать свой ответ на вызов власти. Этим ответом являются усилия, правда, пока достаточно разрозненные, в трех основных направлениях.

Активизация коалиционной политики, проявляющаяся в создании «Комитета-2008», в состав которого вошли такие видные либералы, как Г. Каспаров, Е. Киселев, Б. Немцов и др. От «Яблока» в него вошел С. Иваненко (хотя первоначально «Яблоко» «Комитет» не поддержало). Еще более интересным выглядит наметившийся сдвиг «Яблока» влево, хотя это и сопровождается оговорками о неприемлемости союзов как с теми партиями, «которые до сих пор считают своими вождями Ленина и Сталина», так и с теми, что защищают интересы государственных монополий [22].

Однако под влиянием массовых протестов в начале 2005 г. ситуация стала меняться. В рамках организации уличных акций протеста наметилось сотрудничество региональных организаций «Яблока», КПрФ и Национал-большевистской партии (НБП). Лидеры «Союза правых сил» первоначально были несколько шокированы фактом подобного сотрудничества, но весьма скоро наметилось большее взаимопонимание и между руководящими структурами СПС и «Яблока». Важно подчеркнуть, что инициатива этому сближению исходила в первую очередь снизу, со стороны партийных «низов» и участников протестного движения.

Вторым направлением действий оппозиции стала организация уличных акций протеста. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. их организаторами и участниками обычно были радикальные молодежные организации, в первую очередь НБП, «Авангард красной молодежи» и т.п. Но летом 2004 г. впервые подобную акцию организовала молодежная организация партии «Яблоко». 27 июля ее активисты забросали шариками с красной краской памятную табличку с изображением Ю.В. Андропова на здании ФСБ. Акция была приурочена к годовщине казни декабристов и проходила под лозунгами «Долой полицейское самодержавие!», «Лубянку под снос, режим под откос!» и «Долой власть чекистов!» [23]. Методика проведения акции весьма похожа на акции НБП.

Поэтому не столь удивительным оказалось создание в Санкт-Петербурге в январе 2005 г. коалиции «Петербургское гражданское сопротивление», возглавившей стихийным протест населения против монетизации льгот. Главными составляющими коалиции стали региональные организации КПрФ, «Яблока» и НБП.

Третьим направлением действий оппозиции является участие в выборах региональных законодательных собраний. Примечательно, что обозреватель официальной «Российской газеты» даже с некоторой озабоченностью отметила, что «пока только оппозиция – КПрФ, СПС и “Яблоко” – всерьез занимается региональными парламентами» [24].

Таким образом, выше были рассмотрены организации, представляющие лояльную оппозицию в полуопозиционной, а также неструктурной и структурной разновидностях. Но, как представляется, было бы неправильно совсем игнорировать или коснуться вскользь проблемы принципиальной нелояльной (или полулояльной) оппозиции в России. В этом отношении можно выделить националистские оппозиции например, Русское национальное единство, партия «Национальный Фронт», Легион «Вервольф», Народная национальная партия и т.п. Они не пользуются особым признанием, но время от времени напоминают о своем существовании различными действиями. Особое место здесь занимает Национал-большевистская партия Э. Лимонова.

При своем образовании в 1993 г. НБП была небольшой радикальной группой, мало отличавшейся от возникавших в то время других мелких правонационалистических групп, именовавших себя партиями. Однако НПП не только не распалась, но смогла сохраниться в течение вот уже более чем 10 лет как организация, пусть маргинального характера, но способная к регулярному функционированию и привлечению общественного внимания. Более того, к концу 1990-х гг. она была одной из немногих экстремистских организаций, имевших отделения более чем в 50 субъектах Федерации, насчитывая в общей сложности от 5 до 7 тысяч человек.

Формы и методы деятельности НБП – публичное оскорбление политических и культурных деятелей, «символические захваты» зданий в ближнем зарубежье находили отклики в определенной молодежной среде. Тем не менее можно считать, что партия пользуется популярностью у сугубо ограниченного контингента и ресурса своего развития она не имеет.

Что касается общих черт организаций контркультурной оппозиции, то следует сказать, что они опираются исключительно или почти исключительно на молодежь (хотя лидеры могут быть более старшего возраста). Особенно велико участие молодых интеллектуалов, слабо интегрированных или неинтегрированных в общество, и художественно-артистической богемы.

Организации контркультурной оппозиции раздроблены и, как правило, достаточно малочисленны, так что ни одна из них не может претендовать на представительство всей контркультурной оппозиции.

Таким образом, можно отметить, что роль и место оппозиции в российской политической системе являются еще не устоявшимся явлением; по сути оппозиция

себя постоянно декларирует, однако в практической деятельности наблюдается падение интереса к таким партиям со стороны общества.

Данный феномен обусловлен комплексом институциональных и социально-политических причин. Одна из них – это недостаточное дистанцирование оппозиционных партий от официальной политики, что привело к «неотличимости» оппозиции. Другая –

институциональный дизайн современного российского государства, делающий центральным местом политической конкуренции пост президента, а не парламент. В результате партия или коалиция, достигшая успеха на думских выборах, но потерпевшая неудачу на президентских, оказывается в глазах избирателей «слабой», неспособной реализовать собственную программу и теряет электорат.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Barghoorn F.C.* Factional, Sectoral and Subversive Opposition in Soviet Politics // *Regimes and Oppositions*. New Haven; London, 1973.
2. *Гельман В.* Трансформация политического режима и демократическая оппозиция в посткоммунистической России: Дис. ... канд. полит. наук. М., 1997. С. 80.
3. *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. М., 1995.
4. *Хоскинг Дж.* История Советского Союза. М., 1992.
5. *Игрунов В.* О неформальных политических клубах Москвы // *Проблемы Восточной Европы*. 1989. № 27–28.
6. *Работяжев Н.В.* Феномен «право-левой» коалиции в России: Фронт национального спасения // *Полис*. 2004. № 4. С. 80–92.
7. *Холмская М.Р.* Коммунисты России: факты, идеи, тенденции. М., 1998.
8. *Зюганов Г.А.* Держава. М., 1995.
9. *Программа Коммунистической партии Российской Федерации*. URL: <http://www.kprf.ru/about/program.shtml>
10. *Шевцова Л.Ф.* Посткоммунистическая Россия: логика развития и перспективы. М., 1995.
11. *Немцов Б.* Глупо быть в глухой оппозиции. URL: www.izvestia.ru/izvestia/article/234688
12. *Чубайс Л.* Доклад на съезде политической партии «Союз правых сил» 09.09.2003. URL: <http://www.sps.ru?id=62472>
13. *Немцов Б.* Доклад на съезде политической партии «Союз правых сил» 09.09.2003. URL: <http://www.sps.ru?id=62472>
14. *Селютин В.И.* Многопартийная система в Российской Федерации и ее роль в современном политическом процессе. Воронеж: Изд-во Е.А. Болховитинова. 2000.
15. *Явлинский Г.* Демократия в России // *Экономика России: наследство и возможности*. М., 1995.
16. *Гельман В.* Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // *Полис*. 2004. № 4. С. 52–69.
17. *Лихтенштейн Л.И.* «Партии власти»: электоральные стратегии российских элит // *Второй электоральный цикл России (1999–2000)*. М., 2000.
18. *Dahl R.A.* Preface // *Political Oppositions in Western Democracies*. P. XIV–XV.
19. *Karl T.* Imposing consent? Electoralism and Consolidation in El Salvador // *Elections and Consolidation in Latin America*. 1980–1985 / P.W. Drake & S. Silva (eds.). San Diego, 1986. P. 9–36.
20. *Гельман В.* Выборы 1999–2000 гг. и электоральная политика в России // *Второй электоральный цикл в России (1999–2000)*. М., 2000. С. 30–32.
21. *Третьяков И.* Крах гиганта, беспартийная многопартийность в России // *Российская газета*. 2004. 8 июля.
22. *Явлинский Г.* С партиями в стране сложилась удручающая ситуация. URL: http://www.yavlinsky.ru/lhcmcof_day/index.phtml?
23. *Казаков С.* Здание ФСБ на Лубянке атаковано молодыми яблочниками // *Пресс-релиз 27 июля 2004 г.* URL: <http://www.yabloko.ru/Press/2004/040727.html>
24. *Закатнова А.* Пиар заказывали? Партийная реформа выродилась в бизнес-проект // *Российская газета*. 2004. 7 апреля.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 23 августа 2010 г.